Проф. Н. О. Куплеваскій.

Справка о мнѣніяхъ 25-ти русскихъ ученыхъ, спеціалистовъ права, по вопросу о юридическомъ положеніи Финляндіи въ составѣ Русской Имперіи.

БИБЛІОТЕКА
СОЦІАЛИСТИЧЕСКОЙ
АКАДЕМІИ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
Государственная Типографія
1910

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Эта брошюра, уже получившая нѣкоторое распространеніе въ видѣ оттисковъ изъ еженедѣльной газеты «Окраины Россіи», есть отдѣльное изданіе изъ моихъ статей, появившихся въ этой газетѣ въ №№ 1—3 текущаго года. Въ настоящемъ изданіи въ текстѣ сдѣланы небольшія исправленія. Кромѣ того, къ нему я присоединяю небольшое дополненіе и списокъ профессоровъ и преподавателей русскихъ университетовъ, выразившихъ протестъ противъ вмѣшательства въ наши внутреннія дѣла иностранцевъ.

Профессоръ *Н. Куплеваскій.*

СПБ. 14 Апрѣля 1910 г.

*

Справка о мнѣніяхъ 25-ти русскихъ ученыхъ, спеціалистовъ права, по вопросу о юридическомъ положеніи Финляндіи въ составѣ Русской Имперіи.

Финляндскіе профессора и публицисты и финляндскіе члены смѣшанной русско-финляндской комиссіи, засѣдавшей 30 октября и 7 декабря нынѣшняго года въ Петербургѣ, доказываютъ самостоятельное государственное положеніе Финляндіи и признаютъ возможнымъ изданіе общихъ для всей Имперіи законовъ только путемъ параллельнаго, одинаковаго законодательства Имперскихъ органовъ и Сейма или посредствомъ временныхъ, стоящихъ на равныхъ правахъ, делегацій отъ Русской Имперіи и Финляндскаго Сейма. Они ссылаются при этомъ и на русскихъ ученыхъ Градовскаго, Чичерина, Сергѣевича, Романовича-Славатинскаго, Энгельмана и другихъ (хотя другихъ, кажется нѣтъ) [1].

Лица, не близко знакомыя съ русской литературой государственнаго права и исторіи русскаго права, могутъ думать, что русскіе ученые, спеціалисты права, высказываютъ мнѣнія, согласныя съ основными положеніями финляндскихъ публицистовъ и оправдываютъ ихъ притязанія. Между тѣмъ, весьма значительное большинство русскихъ ученыхъ высказываетъ положенія, прямо противоположныя, а въ пользу ихъ притязаній высказываются весьма немногіе и притомъ пи-

[1]) См. отзывъ финляндскихъ членовъ на мнѣніе русскихъ членовъ комиссіи въ газетѣ «Рѣчь», отъ 8 дек. 1909 г. № 337.

сатели болѣе ранняго времени, когда обстоятельства присоединенія Финляндіи къ Россіи были еще совершенно не обслѣдованы.

Я не буду разсматривать вообще русскихъ писателей, защищающихъ въ этомъ вопросѣ русскую точку зрѣнія, какъ напр., К. Ординъ, генералъ М. Бородкинъ, Ѳ. Еленевъ и другіе. Я укажу только профессоровъ и вообще ученыхъ спеціалистовъ права, стоящихъ на этой точкѣ зрѣнія. Къ нимъ принадлежатъ: умершіе— 1) проф. А. Лохвицкій, 2) проф. И. Андреевскій, 3) проф. (весьма извѣстный цивилистъ) К. Малышевъ, 4) проф. В. Даневскій, 5) проф. О. Мартенсъ, 6) проф. Н. Коркуновъ, 7) проф. Н. Сергѣевскій; живущіе: 8) проф. Н. Таганцевъ, 9) проф. А. Алексѣевъ, 10) проф. В. Сокольскій, 11) проф. (петербургскаго университета) И. Ивановскій, 12) проф. М. Пергаментъ, 13) проф. В. Латкинъ, 14) проф. А. Филипповъ, 15) проф. Э. Берендтсъ, 16) проф. П. Пустослевъ, 17) докторъ тюбингенскаго университета В. Остенъ-Сакенъ и наконецъ, 18) пишущій эти строки, проф. Н. Куплеваскій [1]).

Всѣ эти ученые сходятся въ томъ, что Русская Имперія не есть сложное государство и не находится ни съ какимъ государствомъ ни въ личной, ни въ реальной уніи, а есть простое единое и нераздѣльное государство, а Великое Княжество Финляндское есть часть этого государства—провинція, область, край, но ни въ какомъ случаѣ не государство. Признавъ это, всѣ они признаютъ также, что автономія этого края очень широка, при чемъ одни отрицаютъ, что Императоръ Александръ I даровалъ этому Великому Княжеству кон-

[1]) Въ настоящее время изъ приведенныхъ мною 25 профессоровъ, къ этой группѣ надо присоединить еще двухъ—А. Романовича-Славатинскаго и М. Владимірскаго-Буданова. См. ниже стр. 27 и 29.

ституцію, то есть представительство, ограничивающее въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ власть монарха, другіе признаютъ это. Нѣкоторые говорятъ, что Финляндія имѣетъ конституцію, но не входятъ въ подробное разсмотрѣніе вопроса, какія послѣдствія возникаютъ изъ признанія того, что Финляндія, съ одной стороны, есть провинція, съ другой стороны, имѣетъ конституцію (напр., Θ. Мартенсъ). Другіе, напротивъ, входятъ въ подробное разсмотрѣніе этого вопроса и полагаютъ, что если Финляндія есть провинція и въ то же время у нея есть конституція съ особымъ законодательнымъ учрежденіемъ, ограничивающимъ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ власть Монарха (Сеймъ), то во 1-хъ, это конституція областная, дѣйствіе которой относится только къ вопросамъ внутренняго, то есть мѣстнаго, а не общегосударственнаго управленія, во 2-хъ, такъ какъ суверенное государство опредѣляетъ компетенцію мѣстныхъ учрежденій, а не наоборотъ, то Русская Имперія можетъ не только расширять эту компетенцію, но и суживать слишкомъ широко очерченную дѣятельность мѣстныхъ учрежденій, если это приноситъ существенный вредъ интересамъ Имперіи или грозитъ такимъ вредомъ въ будущемъ. Эти послѣдніе ученые считаютъ доказаннымъ, что Императоръ Александръ I опредѣленно показалъ свое нежеланіе утвердить шведскіе конституціонные законы въ полномъ ихъ объемѣ и допускалъ въ Финляндіи примѣненіе только тѣхъ изъ нихъ, которые, по Его, Императора Александра I, мнѣнію, согласовались съ интересами Имперіи. Большинство (за исключеніемъ проф. А. Филиппова, Θ. Мартенса и нѣкоторыхъ другихъ болѣе раннихъ писателей, не касавшихся этого вопроса) опредѣленно признаетъ необходимость общаго имперскаго законодательства, независимаго отъ финляндскаго Сейма.

Я сдѣлаю точную ссылку на ученые труды каждаго изъ указанныхъ мною ученыхъ. Стараясь быть возможно болѣе краткимъ, я буду указывать только основныя высказываемыя ими положенія и не буду вдаваться ни въ ихъ подробную аргументацію, ни въ ихъ критику.

1. А. Лохвицкій, профессоръ уголовнаго права, издавшій въ 1862 году «Обзоръ современныхъ конституцій». Въ этомъ сборникѣ есть статья—«Политическое, административное и судебное устройство Финляндіи» (Обз. совр. конст. Часть I-я, стр. 229—249). Онъ считаетъ Финляндію инкорпорированной провинціей Россіи, стоящей внѣ международнаго права. «Тѣмъ не менѣе, говоритъ проф. А. Лохвицкій, ея автономія очень широка, болѣе нежели многихъ государствъ, присоединенныхъ на началахъ личной уніи. Финляндія сохранила свою конституцію, свои гражданскіе и уголовные законы, особое войско, финансы»... (стр. 230). Въ этой статьѣ не лишнее отмѣтить слѣдующее, повидимому, добродушное, хотя не лишенное скрытой иронiи, замѣчаніе: «Такъ какъ финляндскія крѣпости заняты русскими войсками и, кромѣ того, въ ней расположено еще достаточное для охраненія порядка число русскихъ линейныхъ войскъ и казаковъ, — то Императорское правительство, желая дать отдыхъ Финляндіи послѣ военныхъ тягостей времени шведскаго владычества, не созывало подъ знамена поселеннаго войска до 1854 года [1]); въ этомъ году, по случаю войны, сформировано было изъ поселеннаго войска шесть стрѣлковыхъ батальоновъ» (стр. 237—238).

Отмѣтимъ и другое, въ настоящее время возбуждающее улыбку своей идеализаціей, замѣчаніе объ от-

[1]) Это не вполнѣ точно, хотя весьма близко къ истинѣ; *Н. Куплеваскій.*

ношеніи финновъ къ русскимъ. «Въ Финляндіи шведское населеніе составляетъ всего $^1/_{10}$ часть общаго числа жителей; остальное, то есть почти все населеніе финны—племя, по своему характеру ближе сходящееся съ русскимъ, нежели шведскимъ... Шведскій языкъ, литература, наука господствуютъ... Тѣмъ не менѣе, въ послѣднее время, началось въ литературѣ и общественной жизни національное финское движеніе, которое должно еще тѣснѣе соединить Финляндію съ Россіей, потому что для финскаго элемента скандинавскій языкъ и литература совершенно чужды» (стр. 238—239).

2. И. Андреевскій, профессоръ государственнаго права, въ своемъ курсѣ «Русское государственное право» (Спб. 1866, стр. 186—187) законы Финляндіи считаетъ мѣстными и ставитъ ихъ на ряду съ законами Закавказскаго Края и Бессарабіи. Болѣе подробно о Финляндіи не говоритъ. Ссылка на него проф. І. Германсона (Государственное положеніе Финляндіи, вып. II, стр. 392) едва-ли основательна.

Проф. І. Германсонъ, въ подтвержденіе своего мнѣнія о томъ, что Финляндія есть особое, хотя и несуверенное государство, ссылается между прочимъ и на курсъ проф. И. Андреевскаго. Онъ указываетъ на то, что при перечисленіи русскихъ генералъ-губернаторствъ проф. И. Андреевскій не упоминаетъ финляндскаго генералъ-губернаторства. На это можно возразить, что онъ не упоминаетъ также ни Варшавскаго генералъ-губернаторства, хотя въ то время (въ 1866 г.) уже Польша вполнѣ была инкорпорированной въ составъ Россіи провинціей, ни Намѣстничества Кавказскаго просто потому, что онъ излагалъ только учрежденія коренной Россіи и учрежденіямъ окраинъ предполагалъ посвятить особую часть курса. Курсъ его, какъ извѣстно, далеко не былъ оконченъ.

3. К. Малышевъ, извѣстный спеціалистъ по гражданскому праву и судопроизводству, основательно знавшій финляндское право, еще въ 1878 г. въ своемъ курсѣ русскаго общаго гражданскаго права сдѣлалъ замѣчательную попытку размѣстить по рубрикамъ Свода законовъ все финляндское законодательство (Назв. курсъ, изд. 1878 г., стр. 61, примѣч. 53; см. также стр. 136, прим. 11). Кромѣ того, въ смѣшанной русско-финляндской комиссіи, для обсужденія составленнаго финляндцами уложенія, засѣдавшей въ 1890 году подъ предсѣдательствомъ Финляндскаго генералъ-губернатора графа Гейдена, онъ выступилъ съ рѣзкими заявленіями для поддержанія того тезиса, что Финляндія есть провинція Русской Имперіи и что власть Имперіи не ограничивается конституціей Финляндіи (см. Протоколы и Журналъ Высочайше утвержденной подъ предсѣдательствомъ графа Гейдена комиссіи для разсмотрѣнія проекта кодификаціи финляндскихъ законовъ, стр. 6—8 и многія другія).

4. В. Даневскій, проф. международнаго и уголовнаго права (Пособіе къ изученію исторіи и системы международнаго права. Вып. 1, Харьковъ, 1892 г., стр. 146—147) считаетъ Финляндію пріобрѣтенной посредствомъ завоеванія, инкорпорированной въ составъ Россійской Имперіи провинціей, а не государствомъ состоящимъ съ Россіей въ уніи личной или реальной. При этомъ проф. В. Даневскій допускаетъ, что Императоръ Александръ I актомъ односторонней монаршей воли изъявилъ согласіе на продолженіе въ Финляндіи дѣйствія шведскихъ конституціонныхъ законовъ 1772 и 1789 гг. и что дарованныя такимъ образомъ права не должны быть *произвольно* [1]) отмѣняемы. Но

[1]) Курсивъ мой. *Н. Куплеваскій.*

далѣе замѣчательны слѣдующія слова: «Продолженіе существованія финляндскихъ учрежденій или же измѣненія въ нихъ, вызванныя потребностями времени,— есть дѣло мудрой государственной политики, такъ какъ нельзя въ принципѣ допустить вѣчности и неизмѣнности ни политическаго и соціальнаго строя, ни самыхъ международныхъ договоровъ» (тамъ же, стр. 148).

5. Ѳ. Мартенсъ, проф. международнаго права (Международное право современныхъ народовъ. Спб. 1887 г., т. I, стр. 246) говоритъ: «Финляндское княжество есть неотъемлемая часть Россіи, есть ея провинція. Если же она имѣетъ конституцію и различныя автономныя учрежденія, то послѣднія предоставлены ей Императорскою властью, а не введены по взаимному соглашенію Княжества и Имперіи, какъ двухъ равноправныхъ контрагентовъ». Выводовъ для взаимныхъ отношеній по внутреннимъ дѣламъ Имперіи и Великаго Княжества Финляндскаго изъ своихъ двухъ положеній—что Финляндія есть провинція и что она имѣетъ конституцію—проф. Мартенсъ, какъ занятый только вопросами международнаго права, не дѣлаетъ.

6. Н. Коркуновъ, проф. государственнаго права. (Русское государственное право (курсъ); послѣднее посмертное изданіе 1908 г. стр. 192—205. Статья въ Юридической лѣтописи 1890 г. апрѣль, подъ названіемъ «Великое Княжество Финляндское»). Проф. Н. Коркуновъ былъ однимъ изъ первыхъ профессоровъ, обратившихъ вниманіе на вопросъ о юридическомъ положеніи Финляндіи. Въ обнародованныхъ статьяхъ и курсѣ государственнаго права онъ подвергъ обстоятельной критикѣ притязанія финляндскихъ политическихъ дѣятелей. Онъ подробно разсмотрѣлъ всю аргументацію финляндскихъ писателей и опровергнулъ ихъ мнѣніе о томъ, что будто бы на Боргоскомъ сеймѣ 1809 г.

произошелъ договоръ между двумя равноправными сторонами—Русскимъ Императоромъ и финляндскими сословіями. Критика эта была настолько сильна, что нѣкоторые финляндскіе профессора (І. Германсонъ и Даніельсонъ, но не Л. Мехелинъ) отказались отъ этой теоріи.

«Несмотря на то, что Финляндія есть провинція, говоритъ проф. Н. Коркуновъ, у ней есть сеймъ, ограничивающій власть князя. Ограниченія эти не Богъ знаетъ какъ велики, да къ тому же они свободно установлены самими государями». Существенное значеніе имѣетъ слѣдующій выставленный проф. Н. Коркуновымъ юридическій принципъ: Если даже Финляндія «несуверенное государство», какъ утверждаетъ профессоръ Германсонъ (а не инкорпорированная провинція, какъ полагаетъ проф. Н. Коркуновъ), то и тогда *не финляндское законодательство опредѣляетъ границы русской государственной власти, а наоборотъ*.—Профессоръ Н. Коркуновъ какъ въ своемъ курсѣ, такъ и въ указанной статьѣ, между прочимъ, впервые указалъ на то, что широкая автономія Финляндіи вовсе не доказываетъ, что это особое государство, а не провинція. Англійскія колоніи—Канада, Ньюфаунлендъ, Викторія, Новый Южный Валисъ и другія англійскія, а также голландскія колоніи, пользуются гораздо большею самостоятельностью, чѣмъ Финляндія. Канада, напр., имѣетъ не только центральный, но и мѣстные парламенты, и тѣмъ не менѣе никто не отрицаетъ, что Великобританія есть единое государство, а означенныя страны суть колоніи, находящіяся подъ суверенной властью метрополіи—Великобританіи. Проф. Н. Коркуновъ признаетъ необходимость особаго независимаго отъ финляндскаго сейма имперскаго законодательства.

7. Н. Сергѣевскій, профессоръ уголовнаго права, въ большой статьѣ «Къ вопросу о финляндской автономіи и основныхъ законахъ», въ различныхъ статьяхъ, помѣщенныхъ въ еженедѣльной газетѣ «Окраины Россіи» и Юридической Лѣтописи, которую онъ издавалъ въ началѣ 90-хъ годовъ, а также въ его рѣчахъ въ русско-финляндской смѣшанной комиссіи—является горячимъ защитникомъ тѣхъ-же идей, какія были высказываемы проф. Н. Коркуновымъ. Кромѣ того, проф. Н. Сергѣевскій вслѣдъ за К. Ординымъ и генераломъ М. Бородкинымъ, написавшими обстоятельныя изслѣдованія по финляндскому вопросу, доказывалъ, что Императоръ Александръ I-й никакой конституціи Финляндіи не давалъ, а далъ только грамоту, подтверждающую правовыя привилегіи края, какія даны были остзейскимъ провинціямъ. По толкованію проф. Н. Сергѣевскаго, терминъ, встрѣчающійся въ грамотахъ Александра I-го, «коренные законы», не значитъ основные или конституціонные законы, ограничивающіе власть Монарха, а означаетъ вообще болѣе важные старинные законы.—Слѣдуетъ отмѣтить еще одну мысль, совершенно вѣрную, высказанную проф. Н. Д. Сергѣевскимъ. Обладаніе берегами Финскаго залива составляетъ такой жизненный вопросъ для Россіи, что если бы оно было утрачено, то Россіи пришлось бы предпринимать вновь завоеваніе этого края.

8. Н. Таганцевъ, проф. уголовнаго права, въ статьѣ «Высочайшій манифестъ 1 (13) декабря 1890 г. и финляндское уголовное уложеніе» (Юридическая лѣтопись 1891 г., февраль) развиваетъ мысли, совершенно тожественныя съ мыслями проф. Н. Коркунова. Въ 1809 г., говоритъ онъ, совершилось не соединеніе двухъ самостоятельныхъ государствъ, а присоединеніе завоеванной русскимъ оружіемъ Финляндіи. При этомъ проф.

Таганцевъ указываетъ, что самое подтвержденіе прежнихъ законовъ русскими государями не имѣетъ абсолютнаго значенія, что такое подтвержденіе нельзя понимать какъ подтвержденіе буквально всѣхъ законовъ, такъ какъ многіе изъ нихъ оказались совершенно неприменимыми къ Россійской Имперіи, да и вообще подтвержденіе старыхъ законовъ вовсе не исключаетъ возможности ихъ отмѣны, когда измѣнившіяся историческія условія сдѣлаютъ ихъ неприложимыми или крайне вредными.—Тѣ же мысли проф. Н. Таганцевъ высказывалъ и въ смѣшанной финляндско-русской комиссіи, обсуждавшей въ 1904—5 годахъ вопросъ объ общеимперскомъ законодательствѣ подъ его, профессора Н. Таганцева, предсѣдательствомъ.

Мнѣнія, вполнѣ согласныя съ мнѣніями проф. Н. Коркунова, высказываютъ: 9) А. Алексѣевъ, проф. государственнаго права (Русское государственное право. Москва. 1892, стр. 153—154), 10) В. Сокольскій, проф. государственнаго права (Краткій учебникъ русскаго государственнаго права. Одесса, 1890 г. стр. 64—65), 11) И. Ивановскій, проф. государственнаго права (петербургскаго университета) (Учебникъ государственнаго права. Спб. 1909 г., стр. 63—64), 12) М. Пергаментъ, проф. римскаго права (Юридическая природа реальной уніи. Одесса, 1893 г. цѣлая глава, посвященная Финляндіи, стр. 90—103), 13) В. Латкинъ, проф. исторіи русскаго права (Учебникъ исторіи русскаго права періода Имперіи. Спб. 1899 г., стр. 111—112) и 14) проф. А. Филипповъ (Исторія русскаго права, конспектъ лекцій. Юрьевъ, 1906 г. Вып. III, стр. 84). Всѣ они болѣе или менѣе подробно мотивируютъ высказываемое ими мнѣніе. Надо добавить, что проф. А. Филипповъ касается юридическаго отношенія Финляндіи только во времена, непосредственно слѣдующія

за присоединеніемъ Финляндіи, такъ какъ опредѣленіе *нынѣ* существующихъ юридическихъ отношеній Россіи къ Финляндіи не относится къ предмету исторіи русскаго права, а относится къ современному государственному праву.

15) Э. Берендтсъ, проф. финансоваго и административнаго права, спеціально знакомый съ шведскимъ и финляндскимъ правомъ и много лѣтъ читавшій спеціальные курсы финляндскаго административнаго права (Лекціи по административному праву Великаго Княжества Финляндскаго, т, I и II). Мнѣнія Э. Берендтса не такъ легко выразить въ краткихъ положеніяхъ. Они неблагопріятны для лицъ, не склонныхъ считаться съ историческими особенностями Финляндіи, но еще болѣе неблагопріятны для сторонниковъ полной ея обособленности и особаго государственнаго существованія. Проф. Э. Берендтсъ не считаетъ Русскую Имперію государствомъ сложнымъ, состоящимъ изъ двухъ государствъ, а считаетъ Финляндію частью единаго государства—Русской Имперіи. Въ отличіе отъ проф. Н. Сергѣевскаго, проф. Э. Берендтсъ полагаетъ, что, присоединивъ Финляндію, по праву завоеванія, въ качествѣ провинціи или области, Русскій Императоръ Александръ I подтвердилъ не только мѣстные финляндскіе законы и сословныя привилегіи, но и основные или конституціонные законы шведскіе,—такъ назыв. Форму Правленія 1772 г., насколько она не отмѣнена Актомъ Соединенія и Безопасности 1789 г., и этотъ послѣдній законъ—Актъ Соединенія и Безопасности 1789 г. Такимъ образомъ Александръ I даровалъ или подтвердилъ Финляндіи шведскую конституцію, но дѣло въ томъ, что въ самой Швеціи въ это время отъ Формы Правленія 1772 г. почти ничего не осталось, такъ какъ большинство ея параграфовъ было отмѣнено Актомъ

Соединенія и Безопасности 1789 г., установившимъ монархію почти самодержавную. Финляндія передъ завоеваніемъ ея Россіей была провинціей шведскаго государства. Она не имѣла никакого мѣстнаго самоуправленія и никакихъ областныхъ сеймовъ, но посылала представителей отъ своихъ сословій въ шведскій риксдагъ въ Стокгольмѣ. Король въ срокѣ созыва риксдага не былъ связанъ; онъ могъ созывать и не созывать его по своему усмотрѣнію. Королю одному принадлежало не только все управленіе, но и вся обширная область такъ называемаго экономическаго законодательства. Безъ согласія сословій король не могъ отмѣнять такъ называемыхъ «законовъ» (lag), но подъ этимъ терминомъ разумѣлось не всякое постановленіе сейма, а только постановленіе по тѣмъ предметамъ, которые входили въ составъ Шведскаго Уложенія 1734 года. Короли иногда запрашивали мнѣніе сейма и по другимъ вопросамъ, то есть по вопросамъ, входящимъ въ область королевской прерогативы, но въ этихъ вопросахъ сеймъ имѣлъ значеніе только совѣщательное, и короли мнѣніемъ сейма не были связаны. § 39 Формы Правленія опредѣленно запрещаетъ Сейму присваивать въ свою компетенцію то, что составляетъ предметъ вѣдѣнія короля. Проф. Э. Берендтсъ указываетъ еще нѣсколько другихъ неважныхъ ограниченій королевской власти. Со времени установленія Сейма, какъ постояннаго учрежденія, въ 60-хъ годахъ XIX ст. устанавливается, не имѣющее основанія въ шведскихъ законахъ, мнѣніе, что *все*, что установлено сеймомъ и утверждено государемъ, есть законъ (lag) и не можетъ быть отмѣнено безъ согласія Сейма. Такимъ образомъ произошелъ захватъ со стороны Сейма королевской (императорской) прерогативы. Проф. Э. Берендтсъ возражаетъ финляндскому проф. Л. Мехелину, который прину-

женъ признать, что такой захватъ не имѣетъ юридическаго основанія, а есть «политическая эволюція» (Э. Берендтсъ. Лекціи т. I, стр. 46, прим.). Проф. Э. Берендтсъ признаетъ, что и сеймовый уставъ 1869 года имѣетъ отношеніе только къ *внутреннимъ дѣламъ* Финляндіи и не касается суверенныхъ правъ Имперіи, область коихъ и послѣ этого устава осталась такой-же неопредѣленной, какъ была раньше. Образованіе особаго круга обще-имперскаго законодательства проф. Э. Берендтсъ считаетъ неизбѣжнымъ; и притомъ онъ не считаетъ возможнымъ изданіе обще-имперскихъ законовъ поставить въ зависимость отъ согласія на это финляндскаго сейма (Э. Берендтсъ. Лекціи т. I, стр. 54, примѣчаніе).

Признавая, что законъ 3 февраля 1899 года о порядкѣ обще-имперскаго законодательства не только не содержитъ въ себѣ уничтоженія автономіи Финляндіи, по дѣламъ исключительно до мѣстныхъ нуждъ относящимся, но содержитъ ея подтвержденіе, проф. Э. Берендтсъ находитъ пробѣлъ въ томъ, что въ этомъ законѣ отсутствуетъ указаніе предметовъ общаго законодательства. «Между тѣмъ такое указаніе, говоритъ проф. Э. Берендтсъ, было бы не трудно. Предметомъ общаго законодательства несомнѣнно должно быть *все то, что относится къ признакамъ и выраженіямъ государственнаго единства и средствамъ защиты государственной цѣлости* *). Организація войска, почты, телеграфовъ, таможенной части, желѣзнодорожной системы, системы монетъ, вѣсовъ и мѣръ можетъ и должна быть нормирована общегосударственными законами. Въ этомъ отношеніи органы автономнаго края могутъ лишь играть роль компетентныхъ экспертовъ, рѣшающее же значеніе можетъ имѣть только

*) Курсивъ проф. Э. Берендтса.

воля центральной власти» (Э. Берендтсъ. Лекціи т. I, стр. 58—59, примѣчаніе).

16) И. Пусторослевъ, профессоръ уголовнаго права Юрьевскаго университета. Въ 1904 г. онъ напечаталъ обширную «Программу» лекцій по общей части русскаго уголовнаго права. Это очень сжатый конспектъ лекцій съ эпизодическими, болѣе подробно изложенными статьями. Въ этой программѣ, совершенно неожиданно, читатель находитъ большую статью въ 80 страницъ убористой печати о юридическомъ положеніи Финляндіи въ составѣ русскаго государства (стр. 153—234). Авторъ, на основаніи обстоятельнаго знакомства съ литературой этого вопроса и тонкаго юридическаго анализа относящихся къ вопросу законодательныхъ памятниковъ, приходитъ къ слѣдующимъ заключеніямъ, довольно близкимъ къ заключеніямъ профессора Э. Берендтса.

Императоръ Александръ I, присоединивъ къ Россіи Финляндію въ качествѣ провинціи, подтвердилъ не только обыкновенные гражданскіе, уголовные, административные и сословные законы, но подтвердилъ, вообще говоря, и основные шведскіе законы, Форму Правленія 1772 и Актъ Соединенія и Безопасности 1789 г., то есть конституцію. Однако онъ подтвердилъ эти законы не въ полномъ ихъ объемѣ, а только *вообще*. Нѣкоторыя статьи этихъ законовъ, совершенно неприложимыя къ Россіи, онъ даже не могъ примѣнить, другія онъ съ самаго начала не призналъ для себя обязательными. Весь образъ дѣйствія Александра I во время Боргосскаго сейма и впослѣдствіи показываетъ, что онъ, Императоръ Александръ I, не предполагаетъ соблюдать всѣ эти конституціонные законы вполнѣ; опредѣлить, какіе же законы онъ утвердилъ, что же составляетъ утвержденную имъ конституцію Финлян-

діи, совершенно невозможно. Что составляетъ конституцію Финляндіи, такъ и осталось неопредѣленнымъ во все его царствованіе. Такимъ образомъ, говоритъ проф. И. Пусторослевъ, императоръ Александръ I даровалъ конституцію только въ принципѣ и сохранилъ ее въ теченіе своего царствованія только въ принципѣ. Есть серьезныя основанія думать, и проф. И. Пусторослевъ приводитъ эти основанія, что императоръ Александръ I во время Боргосскаго сейма даже думалъ, что шведскіе законы даютъ сейму только совѣщательное значеніе. Одно только совершенно ясно, что Императоръ Александръ I всегда считалъ Финляндію провинціей Русской Имперіи и никогда не считалъ ее отдѣльнымъ государствомъ. Финляндцы могли иначе понять его торжественныя заявленія, подтверждающія какую-то конституцію (Lois constitutionelles) Финляндіи, но они ничего не сдѣлали для того, чтобы этотъ вопросъ выяснить, а такъ какъ надѣленіе Финляндіи правами автономной провинціи было одностороннимъ актомъ милости, даренія Императора, то этотъ актъ и долженъ быть обсуждаемъ «по намѣренію дарителя, а не одаряемаго».

Стоитъ отмѣтить еще слѣдующее. По поводу обѣщанія, даннаго Императоромъ Александромъ I въ грамотѣ 15 марта 1809 г., вѣрноподданному населенію новоприсоединенной шведской Финляндіи «хранить коренные законы», дѣйствовавшіе въ этой странѣ во время присоединенія ея къ Россійской Имперіи «въ нерушимости и непреложной ихъ силѣ и дѣйствіи»— проф. И. Пусторослевъ весьма остроумно замѣчаетъ, что если понимать это заявленіе буквально и распространять его и на всѣ шведскіе конституціонные законы, то исполненіе этого обѣщанія возможно только въ томъ случаѣ, если бы Императоръ Александръ I

*

новоприсоединенную Финляндію возвратилъ обратно шведскому королю (Программа, стр. 186). Замѣтимъ, что по указаннымъ выше шведскимъ конституціоннымъ законамъ король долженъ присягнуть конституціи и въ этой присягѣ, въ точно опредѣленныхъ словахъ, выразить свое отвращеніе къ самодержавію, исповѣдывать лютеранскую религію аугсбургскаго исповѣданія, строго держаться порядка наслѣдованія, установленнаго шведскимъ закономъ 1743 года, не выѣзжать изъ столицы безъ согласія сословій, не назначать генералъ-губернатора и тому подобное.

Подводя итогъ своему изслѣдованію о юридическомъ отношеніи Финляндіи къ Россіи, проф. И. Пусторослевъ говоритъ такъ: «Великое Княжество Финляндское составляетъ не государство, соединенное личной или реальной уніей съ Россійской Имперіей, но лишь обособленную часть русскаго государства, Россійской Имперіи, надѣленную, по волѣ русскихъ Императоровъ, участіемъ населенія этой окраины въ ея мѣстномъ управленіи, въ ея мѣстномъ отправленіи правосудія и въ ея мѣстномъ законодательствѣ» (Программа, стр. 232).

Проф. И. Пусторослевъ является сторонникомъ особаго обще-имперскаго законодательства, распространяющаго свое дѣйствіе и на Финляндію.

17) В. Остенъ-Сакенъ, докторъ тюбингенскаго университета (Die staatsrechtliche Stellung des Grossfürstentums Finland im Russischen Reiche, Tübingen. 1909 г.,— докторская диссертація). Подробное разсмотрѣніе законодательныхъ и правительственныхъ актовъ и сопутствующихъ имъ историческихъ обстоятельствъ приводитъ автора къ тому заключенію, что Финляндія никоимъ образомъ не государство, а автономная область Русской Имперіи. Односторонними актами Русской вер-

ховной власти ей оставлены шведскіе конституціонные законы и даны впослѣдствіи и новые. Но все это областное устройство, включая сюда и конституціонные законы, не есть что либо не подлежащее измѣненію. Мѣстное устройство имѣетъ своимъ источникомъ и опредѣляется законодательной властью цѣлаго государства и можетъ быть послѣднимъ измѣняемо. Такъ какъ Великое Княжество Финляндское составляетъ часть самодержавной Имперіи Русской, то и все устройство Финляндіи имѣло не большее значеніе, чѣмъ всякій законъ, хотя бы и основной, въ самодержавной монархіи. Въ этой монархіи юридическую силу законы имѣютъ до тѣхъ поръ, пока они не отмѣнены или не измѣнены монархомъ. Такая перемѣна можетъ быть хороша или дурна, справедлива или несправедлива, но, по принципу самодержавной монархіи, это дѣло совѣсти монарха и не имѣетъ вліянія на его юридическія права. Со времени установленія представительныхъ учрежденій въ Имперіи юридическое отношеніе Финляндіи къ Россіи не измѣнилось. Она продолжаетъ оставаться такою же областью или провинціею, какъ была и раньше. Разница только въ томъ, что представителемъ всего государства, опредѣляющаго устройство отдѣльныхъ частей его, былъ прежде самодержавный монархъ, дѣйствовавшій единолично, а теперь въ дѣлахъ законодательныхъ онъ дѣйствуетъ при участіи Государственной Думы и Государственнаго Совѣта. Не касаясь вопроса, насколько необходимо, полезно или вредно съ политической точки зрѣнія измѣненіе финляндскихъ обыкновенныхъ и конституціонныхъ законовъ, авторъ заявляетъ только одно—что съ точки зрѣнія чисто-юридической, съ точки зрѣнія правъ русскаго единаго государства, для такихъ измѣненій и для объединительной политики Россійской Имперіи препятствій никакихъ нѣтъ.

18) Н. Куплеваскій, проф. государственнаго права, пишущій эти строки. Надо сказать, что въ настоящее время послѣ внимательнаго изученія вопроса я держусь совершенно другихъ мнѣній, нежели тѣ, которыя высказаны мною въ печатныхъ изданіяхъ моего курса государственнаго права, и, вообще говоря, примыкаю къ мнѣніямъ, высказаннымъ по этому вопросу профессоромъ И. Пусторослевымъ и докторомъ государственнаго права В. Остенъ-Сакеномъ. Надо сказать, что русскіе профессора, начавшіе свою ученую и преподавательскую дѣятельность въ первыя десятилѣтія царствованія Императора Александра II, находились въ особо неблагопріятномъ положеніи. Почти до 90-хъ годовъ не было никакихъ спеціальныхъ работъ, посвященныхъ исторіи отношеній Финляндіи и Россіи и ея юридическаго положенія. Работы правительственныхъ комиссій хотя и содержали для этой исторіи цѣнный матеріалъ, хранившійся въ архивѣ Государственнаго Совѣта, но этотъ матеріалъ не подлежалъ опубликованію и не только широкой публикѣ, но и ученымъ кругамъ былъ неизвѣстенъ. Этимъ отсутствіемъ матеріала и объясняется большая краткость въ изложеніи юридическихъ отношеній Финляндіи и Россіи въ первыхъ изданныхъ курсахъ русскаго государственнаго права Андреевскаго, Градовскаго, Романовича-Славатинскаго и въ моемъ. Это были скорѣе краткія замѣчанія, въ которыхъ заключенія выводились безъ достаточной мотивировки, на основаніи какого-либо одного признака. Представленіе о томъ, что Финляндія есть самостоятельное государство и находится съ Россійской Имперіей въ реальной уніи составлялось, напримѣръ, на томъ основаніи, что въ Финляндіи есть сеймъ. Когда я составлялъ мой курсъ государственнаго права, то я справился, какъ отнеслись къ этому вопросу въ своихъ только тогда появляв-

шихся и далеко еще неоконченныхъ курсахъ проф. А. Градовскій и А. Романовичъ-Славатинскій. Кромѣ того, желая получить болѣе обстоятельныя свѣдѣнія, я поискалъ спеціальныхъ монографій по этому вопросу и нашелъ одну, и эта одна... проф. Л. Мехелина.—«Précis du droit public du Grand-Duché de Finlande».

Между тѣмъ Л. Мехелинъ въ своемъ очеркѣ, говоря о Фридрихсгамскомъ трактатѣ, скрылъ статью IV этого трактата, которая буквально говоритъ: «губерніи сіи (финляндскія) переходятъ въ собственность и державное обладаніе Россіи и къ ней навсегда присоединяются»,—а привелъ изъ этого трактата только ст. VI, содержащую нѣсколько благопріятныхъ для Финляндіи выраженій. Такъ какъ я въ то время международнымъ правомъ не занимался, а потому и не былъ знакомъ съ текстомъ самаго трактата, то объ этой IV статьѣ я узналъ гораздо позже отъ профессоровъ международнаго права. Излагаю эти обстоятельства затѣмъ, чтобы обратить вниманіе на то, что и другіе піонеры русскаго государственнаго права, вѣроятно, были въ такомъ же положеніи. Въ такомъ сложномъ и запутанномъ вопросѣ они если и имѣли въ виду какую-либо монографію, то только проф. Л. Мехелина. Съ тѣхъ поръ, благодаря изданіямъ актовъ и трудамъ К. Ордина, генерала М. Бородкина и многихъ другихъ лицъ, и спеціально-ученый міръ, и большая читающая публика стоитъ въ иномъ положеніи. Мое мнѣніе по этому вопросу существенно измѣнилось.

Въ печатныхъ изданіяхъ моего курса русскаго государственнаго права я считалъ Великое Княжество Финляндское особымъ государствомъ, хотя это я не высказывалъ прямо, но это заключеніе вытекало изъ всего изложенія (Н. Куплевацкій, «Русское государственное

право». Харьковъ, 1902, т. I, стр. 39—40). Въ настоящее время, уже нѣсколько лѣтъ я читаю эту часть своего курса иначе и могу выразить свое мнѣніе въ слѣдующихъ положеніяхъ: 1) Финляндія была и остается до сихъ поръ инкорпорированной въ составѣ Россійской Имперіи провинціей или областью; 2) эта область односторонними актами русской верховной власти надѣлена весьма широкими правами и имѣетъ свою областную конституцію; 3) русская Имперія имѣла и имѣетъ право опредѣлять компетенцію мѣстныхъ учрежденій, въ томъ числѣ и областныхъ учрежденій Финляндіи, и можетъ какъ расширять эту компетенцію, если того потребуетъ благо Имперіи, такъ и суживать ее, если эта компетенція очерчена слишкомъ широко и наноситъ Имперіи существенный вредъ или грозитъ существеннымъ вредомъ въ будущемъ.

Теперь перехожу къ русскимъ спеціалистамъ права, высказавшимъ мнѣніе, что Финляндія есть особое государство, состоящее съ Россійской Имперіей въ реальной уніи.

Къ такимъ писателямъ относятся только нѣкоторые писатели и притомъ писатели болѣе ранняго времени, когда въ русской литературѣ совершенно не было трудовъ, посвященныхъ изслѣдованію исторіи русско-финляндскихъ отношеній. Очень возможно, что они тоже были въ томъ же положеніи, въ какомъ оказался и я (за исключеніемъ, впрочемъ, отчасти, профессора В. Сергѣевича, которому, по крайней мѣрѣ, содержаніе ст. IV Фридрихсгамскаго трактата въ 1883 году было извѣстно; онъ эту статью цитируетъ). Во всякомъ случаѣ всѣ они, не исключая и профессора Сергѣевича, исторіей юридическихъ отношеній Финляндіи къ Россіи и современнымъ ея юридическимъ положеніемъ спе-

ціально не занимались и посвятили въ своихъ книгахъ этому вопросу всего по нѣсколько строкъ. Такихъ писателей профессоровъ, спеціалистовъ права, сколько мнѣ извѣстно, всего 5: 1) проф. А. Градовскій, 2) проф. А. Романовичъ-Славатинскій, 3) проф. Б. Чичеринъ, 4) проф. В. Сергѣевичъ и 5) проф. І. Энгельманъ.

1) А. Градовскій, проф. государственнаго права, уже умершій (Начала русскаго государственнаго права. СПБ. 1875 г. т. 1 стр. 134, 8 строкъ). Проф. А. Градовскій говоритъ: «Финляндія представляетъ совершенно обособленное во внутреннемъ управленіи государство, хотя и нераздѣльно связанное съ русскою императорскою короною». Финляндскій профессоръ Германсонъ, ссылающійся въ подтвержденіе своей теоріи на проф. Градовскаго, совершенно справедливо, по поводу цитированныхъ выше словъ, замѣчаетъ: «Впрочемъ, намъ не вполнѣ ясно, какое значеніе Градовскій въ дѣйствительности придаетъ правамъ Финляндіи» (Р. Германсонъ: «Государственно-правовое положеніе Финляндіи», изд. 1892 г. вып. 1, стр. 130). Отъ себя замѣчу, что, очевидно, проф. А. Градовскій, такъ же, какъ и я, не зналъ о замѣчательныхъ словахъ, опредѣляющихъ юридическое положеніе Финляндіи въ ст. IV Фридрихсгамскаго трактата 1809 г., иначе онъ не сказалъ бы «соединенное съ русскою императорскою *короною*», а сказалъ бы «навсегда соединенное съ *Русской Имперіей*».

2) Б. Чичеринъ, проф. государственнаго права, также уже умершій. Въ книгѣ о народномъ представительствѣ (СПБ. 1866 г., стр. 185, 12 строкъ) Б. Чичеринъ находитъ соединеніе Финляндіи съ Россіей аналогичнымъ соединенію Швеціи съ Норвегіей и считаетъ это соединеніе «реальной уніей». Тоже самое онъ повторяетъ въ книгѣ Общее государственное право

(Курсъ государственной науки, часть 1-я, СПБ. 1894 г. стр. 183-я — нѣсколько строкъ) и въ книгѣ Политика (Курсъ госуд. науки, часть III, СПБ. 1898 г. стр. 272-я,—три строки, и стр. 275—6—25 строкъ). Въ послѣдней книгѣ проф. Б. Чичеринъ говоритъ, что Императоръ Александръ I, послѣ покоренія Финляндіи Россіей, не только далъ ей самостоятельное государственное устройство, но и сохранилъ существовавшія въ ней представительныя учрежденія. Эти положенія имъ высказаны какъ категорическія мнѣнія, безъ представленія какихъ либо историческихъ или юридическихъ основаній.

3) В. Сергѣевичъ, проф. исторіи права (Лекціи и изслѣдованія по исторіи русскаго права. СПБ. 1883 г. стр. 628, одна страница). Въ цитируемомъ изданіи и вообще въ болѣе раннихъ курсахъ лекцій онъ признавалъ соединеніе Финляндіи съ Россіей реальнымъ соединеніемъ двухъ стоящихъ на равныхъ правахъ, не подчиненныхъ одно другому, государствъ. Неизвѣстно, что сказалъ бы и что, можетъ быть, еще и скажетъ почтенный ученый послѣ обстоятельнаго ознакомленія съ нынѣ существующимъ историческимъ матеріаломъ. Въ курсахъ, читаемыхъ профессоромъ В. Сергѣевичемъ и изданныхъ въ позднѣйшее время, всякія указанія относительно Финляндіи отсутствуютъ, такъ какъ онъ въ это время раздѣлилъ трудъ преподаванія исторіи права въ петербургскомъ университетѣ съ профессоромъ В. Латкинымъ и свои лекціи ограничилъ только княжескимъ и московскимъ періодами (см. Лекціи и изслѣдованія. СПБ. изд. 1894 года).

4) А. Романовичъ-Славатинскій, проф. государственнаго права (Система русскаго государственнаго права, Кіевъ 1886 г. часть I, стр. 98, одна страничка крупной печати) полагаетъ, что Финляндія есть госу

дарство, которое находится съ Россіей въ реальной уніи [1]).

5) I. Энгельманъ. Das Staatsrecht des Kaiserthums. Russland (Handbuch des öffentlichen Rechts, herausgeg. von H. Marquardsen. Freiburg 1889 г. стр. 11 и 12,—6 строкъ). «Финляндія есть конституціонная монархія, соединенная съ Имперіей посредствомъ реальной уніи».

Вотъ, кажется, и всѣ русскіе ученые, мнѣнія которыхъ финляндскіе политики могутъ привести въ подкрѣпленіе своихъ теорій.

Къ лицамъ, мнѣнія которыхъ благопріятны финляндскимъ теоріямъ о томъ, что Великое Княжество Финляндское есть особое государство, можно было-бы причислить и В. Ивановскаго, профессора государственнаго права Казанскаго университета (Русское государственное право. Казань. 1896 г. т. I, вып. IV, стр. 304—327). Къ тому же онъ отношенія Финляндіи къ Россіи разсматриваетъ болѣе подробно, чѣмъ вышеуказанные 5 ученыхъ. Онъ находитъ, съ одной стороны, несомнѣнные признаки того, что Финляндія есть особое государство, съ другой стороны, находитъ столь же несомнѣнныя въ законодательныхъ и правительственныхъ актахъ указанія, что она есть провинція Россійской Имперіи. Его мнѣніе во всякомъ случаѣ плохая опора для финляндскихъ политиковъ, такъ какъ окончательное его заключеніе высказано въ такихъ словахъ:

«Изъ всего вышеизложеннаго, такимъ образомъ, видно, что въ пользу какъ политическаго бытія Финляндіи, такъ, напротивъ, и полнаго ея сліянія съ Рос-

---

[1]) Профессоръ А. Романовичъ-Славатинскій, въ письмѣ, напечатанномъ въ газетѣ «Новое Время» отъ 29 Генваря 1910 г. № 12171, отказался отъ своего прежняго мнѣнія и присоединился къ группѣ противниковъ особой финляндской государственности.

сіей, имѣются весьма вѣскія данныя, примирить которыя нѣтъ никакой возможности, пока не устранены законодательныя противорѣчія» (Тамъ же, стр. 317).

Остается еще упомянуть о мнѣніи, высказанномъ профессоромъ исторіи русскаго права М. Владимірскимъ-Будановымъ (Обзоръ исторіи русскаго права. Кіевъ, 1900 г., стр. 249—250). Мнѣніе проф. Владимірскаго-Буданова выражено въ нѣсколькихъ строкахъ, такъ сжато, что я не вполнѣ увѣренъ—правильно-ли я понялъ его мысль. Проф. М. Владимірскій-Будановъ говоритъ, что, посредствомъ присоединенія Финляндіи и другихъ областей, Русская Имперія «не получила характера *союзнаго государства* (курсивъ проф. М. Владимірскаго-Буданова)... за Лифляндіею и Эстляндіею, потомъ и Курляндіею были удержаны особенности ихъ учрежденій въ качествѣ мѣстныхъ; для Финляндіи и Польши созданы самой Россіей особые престолы великокняжескій и царскій, съ особенными учрежденіями государственнаго характера (особенною законодательною властью, высшимъ управленіемъ и особою военною силою)... Государственныя права Польши утрачены ею послѣ возстанія въ 1831 году, а мѣстныя особенности послѣ возстанія 1863 года. Съ отличіями государственными остается теперь Финляндія и съ особенностями мѣстными Остзейскій край».

По моему толкованію, мнѣніе проф. В. Владимірскаго-Буданова таково: Финляндія есть область или провинція Русской Имперіи (Русская Имперія по присоединеніи Финляндіи не получила характера союзнаго государства), но ей дана конституція (надо думать областная). Такимъ образомъ, его мнѣніе подходитъ къ мнѣнію проф. Ѳ. Мартенса, Э. Берендтса и другихъ. При этомъ проф. М. Владимірскій-Будановъ, какъ и проф. Ѳ. Мартенсъ, не входитъ въ опредѣленіе даль-

нѣйшихъ послѣдствій, вытекающихъ изъ принятыхъ имъ положеній [1]).

Такимъ образомъ изъ 25 русскихъ ученыхъ, спеціалистовъ права, касавшихся юридическихъ отношеній Финляндіи къ Россіи, только 5 [2]) оказываются благопріятными для притязаній финляндскихъ публицистовъ, и то труды этихъ ученыхъ относятся къ тому времени, когда по исторіи этихъ отношеній какъ ученая, такъ и обыкновенная публика была или въ полномъ невѣдѣніи, или черпала свои свѣдѣнія изъ одного только источника—проф. Л. Мехелина. Что же удивляться, что въ Западной Европѣ такъ распространены неправильныя сужденія о взаимныхъ отношеніяхъ Россіи и Финляндіи? Вѣдь вся русская и заграничная ученая публика и всѣ профессора и политическіе дѣятели засыпаются даромъ разсылаемыми брошюрами Мехелинскаго направленія. Несмотря на мою перемѣну жительства, эти брошюры, иногда даже въ повторномъ числѣ экземпляровъ, неизмѣнно вездѣ меня находятъ, чтобы наставить меня въ томъ, что Финляндія есть самостоятельное государство высокой культуры, угнетаемое Россійской Имперіей съ нарушеніемъ всѣхъ правъ божескихъ и человѣческихъ. Я не думаю, чтобы всѣ эти брошюры и ихъ разсылка, а также финляндскія

---

[1]) Проф. М. Владимірскій-Будановъ, въ письмѣ, напечатанномъ въ газетѣ «Новое Время» отъ 6 Февраля 1910 г., присоединился къ протесту кіевскихъ профессоровъ по поводу вмѣшательства иностранныхъ ученыхъ въ наши дѣла съ Финляндіей и тѣмъ вполнѣ выяснилъ свою принадлежность къ 1-й группѣ русскихъ ученыхъ.

[2]) Послѣ письма проф. Романовича-Славатинскаго только 4.

періодическія изданія, основанныя финляндцами въ цѣляхъ политической пропаганды въ Англіи, Германіи и Франціи,—чтобы все это производилось на частныя суммы финляндцевъ; вѣроятно, значительныя суммы изъ такъ называемыхъ статныхъ суммъ Финляндіи, хранящихся въ иностранныхъ банкахъ, идутъ на эту обработку западно-европейскаго общественнаго мнѣнія [1]).

Намъ, конечно, нечего искать суда на Западѣ. Не говоря уже о нашихъ и заграничныхъ полякахъ и евреяхъ, и многіе другіе наши заграничные сосѣди (за весьма значительными, однако, исключеніями), конечно, склонны сочувственно принимать то, что Русскую Имперію ослабляетъ—потерю, напр., господства надъ Финскимъ заливомъ или внутренніе аграрные безпорядки. Но, однако, имѣетъ существенную важность дать безпристрастной иностранной публикѣ и даже финляндской публикѣ возможность ознакомиться съ исторіей, съ современнымъ положеніемъ Финляндіи не въ одностороннемъ изложеніи Л. Мехелина или І. Германсона и съ ихъ голоса говорящихъ публицистовъ, не имѣющихъ въ рукахъ никакихъ матеріаловъ, кромѣ тѣхъ, которые даютъ имъ финляндцы, а въ полномъ историческомъ и политическомъ освѣщеніи. О написаніи и широкомъ распространеніи такихъ книгъ и статей на западно-европейскихъ и финскихъ языкахъ должны позаботиться не только нашъ ученый міръ и наше правительство, но этому должна оказать содѣйствіе и русская Государственная Дума.

---

[1]) Вотъ названія нѣкоторыхъ періодическихъ изданій, имѣющихъ цѣлью защиту передъ европейской публикой финляндскихъ притязаній: *Finländische Rundschau*—Leipzig; *Finland*—London *Chronique de Finlande*—Paris.

О западно-европейскихъ представителяхъ ученаго міра, среди котораго также болѣе распространены благопріятныя для Русской Имперіи идеи, чѣмъ это обыкновенно думаютъ, надѣюсь сообщить въ другой разъ.

Профессоръ государственнаго права
Н. Куплеваскій.

ДОПОЛНЕНІЕ.

Считаю необходимымъ отмѣтить еще слѣдующіе факты, происшедшіе или же замѣченные мною послѣ напечатанія моей статьи въ «Окраинахъ Россіи»:

1. Извѣстный русскій криминалистъ проф. *Н. С. Таганцевъ*, въ лекціяхъ по русскому уголовному праву (Спб. 1902 г. т. I. стр. 245—252), подробно разсматриваетъ отношенія Россіи и Финляндіи и высказываетъ рѣшительное мнѣніе, что Финляндія составляетъ часть Россійской Имперіи, что законы Финляндіи суть мѣстные законы этой Имперіи, что необходимо общеимперское законодательство, независимое отъ воли финляндскаго Сейма и что обще-имперскіе законы, при коллизіи, съ мѣстными законами Финляндіи, должны имѣть преимущественную силу.

2. Проф. кіевскаго университетета *А. Жилинъ* помѣстилъ въ началѣ нынѣшняго года въ газетѣ «Кіевлянинъ» нѣсколько статей объ отношеніи Россіи къ Финляндіи. Проф. Варшавскаго университета *П. Верховскій* также напечаталъ въ «Варшавскомъ Дневникѣ» отъ 17 Марта № 75 статью по этому же предмету. Оба они принадлежатъ къ той-же группѣ противниковъ финляндскихъ притязаній.

3. Проф. *Э. Н. Берендтсъ* напечаталъ брошюру «По поводу воззваній иностранныхъ ученыхъ» и, кромѣ

того, въ особой брошюрѣ, подъ названіемъ «Къ финляндскому вопросу» перепечаталъ статьи, которыя имъ были помѣщены въ газетѣ «Россія» за 1908-й годъ по поводу рѣчи члена Государственной Думы П. Н. Милюкова. Въ обѣихъ брошюрахъ онъ доказываетъ тѣ-же положенія, какія онъ защищалъ и раньше.

4. Вслѣдствіе смерти однихъ ученыхъ (Градовскій, Чичеринъ) и перемѣны мнѣнія другихъ (Романовичъ-Славатинскій, Куплеваскій) въ настоящее время изъ русскихъ профессоровъ, которые въ своихъ ученыхъ трудахъ высказались благопріятно для финляндскихъ политиковъ, остаются только два — В. Сергѣевичъ и І. Энгельманъ. Оба они не занимались спеціальными изслѣдованіями отношеній Россійской Имперіи къ Финляндіи, а только, въ своихъ курсахъ, кратко высказали свое мнѣніе. При этомъ надо еще имѣть въ виду и то, что эти мнѣнія они высказали очень давно (В. Сергѣевичъ въ 1883 г. и І. Энгельманъ въ 1889 г.), когда большихъ русскихъ изслѣдованій по этому вопросу или совсѣмъ еще не было, или же только что появились (соч. К. Ордина) и не могли еще получить достаточнаго распространенія.

5. Въ № 6-мъ, отъ 25 Марта, двухнедѣльнаго изданія Финляндія редакторъ А. Игельстромъ посвятилъ довольно большую статью возраженіямъ на эту мою брошюру. Статья полна такихъ явныхъ извращеній, что единственнымъ отвѣтомъ на нее можетъ быть только самая моя брошюра. Для безпристрастнаго читателя совершенно достаточно сопоставить то, что говорится въ моей брошюрѣ, съ тѣмъ, что пишетъ въ своей статьѣ А. Игельстромъ, чтобы дать надлежащую оцѣнку всему тому, что говорится въ этой послѣдней статьѣ.

6. Въ теченіе мѣсяца, послѣдовавшаго послѣ появленія въ газетахъ заявленія нѣмецкихъ ученыхъ по

вопросу о положеніи Финляндіи, появились протесты различныхъ союзовъ и обществъ, а также профессоровъ университета. Заявлены протесты Русскаго Собранія, Общества Ревнителей Русскаго историческаго просвѣщенія, Славянскаго Благотворительнаго Общества, Союза Русскаго Народа, Союза Архангела Михаила, Всероссійскаго Національнаго Клуба, Всероссійскаго Національнаго Союза, Всероссійскаго студенческаго Національнаго Союза, Студенческаго академическаго союза и различныхъ провинціальныхъ союзовъ (см. Окраины Россіи №№ 1—11 и газету Новое Время за Январь и Февраль). Изъ профессоровъ университета девять заявили свой протестъ отдѣльно или какъ представители политическихъ обществъ и союзовъ, другіе подписали коллективные протесты. Коллективные протесты послѣдовали отъ Новороссійскаго университета (Одесса)—28 подписей, Университета Св. Владиміра (Кіевъ)—51 подпись, Юрьевскаго университета (Дерптъ)—17 подписей и Казанскаго университета — 20 подписей. Всего 125 подписей профессоровъ и приватъ-доцентовъ университета, протестовавшихъ противъ чужого вмѣшательства въ наши дѣла.

Надо замѣтить, что большое число профессоровъ, опредѣленно высказавшихся противъ финляндскихъ притязаній, какъ, напр., Ивановскій (проф. Петербургскаго университета), Сокольскій, Пергаментъ, Алексѣевъ (Московск. университетъ) и др., по разнымъ причинамъ не считали необходимымъ выступать съ публично заявленными протестами. — Такимъ образомъ, число профессоровъ университетовъ, не сочувствующихъ притязаніямъ Финляндіи, вовсе не ограничивается лицами, приведенными въ вышеуказанныхъ спискахъ.

I. Списокъ профессоровъ, заявившихъ протестъ отдѣльно отъ университетовъ:

1. Академикъ Соболевскій.
2. Вязигинъ.
3. Георгіевскій.
4. Звѣревъ.
5. Капустинъ.
6. Ковалевскій П. И.
7. Кулаковскій П. А.
8. Куплеваскій.
9. Латкинъ.

II. Списки лицъ, принадлежащихъ къ русскимъ университетамъ, подписавшихъ коллективные протесты:

а) Новороссійскій университетъ (Одесса):

10. Адамовичъ.
11. Алмазовъ,
12. Батуевъ.
13. Виленскій.
14. Головинъ.
15. Грибовскій.
16. Доброклонскій.
17. Загоровскій.
18. Казанскій.
19. Каменскій.
20. Кишенскій.
21. Кіаницинъ.
22. Клитинъ.
23. Коровицкій.
24. Коршъ.
25. Левашовъ.

26. Маньковскій.
27. Никоновъ.
28. Орловъ.
29. Павловскій.
30. Палаузовъ.
31. Ренненкампфъ.
32. Станкевичъ.
33. Томсонъ.
34. Федоровъ.
35. Чижовъ.
36. Щоголевъ.
37. Яковлевъ.

б) Университетъ Св. Владиміра (Кіевъ):

38. Ардашевъ.
39. Армашевскій.
40. Барзиловскій.
41. Биллимовичъ.
42. Бубновъ.
43. Ващенко-Захарченко.
44. Вагнеръ.
45. Волковичъ.
46. Высоковичъ.
47. Голубевъ.
48. Граве Д.
49. Де-Метцъ.
50. Демченко В.
51. Демченко Г.
52. Егіазаровъ.
53. Жилинъ.
54. Иконниковъ.
55. Катковъ М.
56. Кулаковскій Ю.
57. Лапинскій.

58. Линдеманъ.
59. Лоначевскій-Петруняка.
60. Малиновскій.
61. Малковъ.
62. Морозовъ.
63. Муратовъ.
64. Оболонскій.
65. Образцовъ.
66. Орловъ В.
67. Реформатскій.
68. Романовичъ-Славатинскій.
69. Рустицкій.
70. Садовень.
71. Сикорскій.
72. Соколовъ П.
73. Стефанисъ.
74. Сусловъ.
75. Томашевскій.
76. Тржецесскій.
77. Удинцевъ.
78. Флоринскій.
79. Фогель.
80. Хандриковъ.
81. Цытовичъ.
82. Черновъ.
83. Чирьевъ.
84. Шаровольскій.
85. Шимановскій.
86. Яновскій.

Къ нимъ въ отдѣльныхъ письмахъ присоединились:

87. Владимірскій-Будановъ.

88. Тарасовъ, московскій профессоръ, бывшій въ то время въ Кіевѣ предсѣдателемъ юридической испытательной комиссіи.

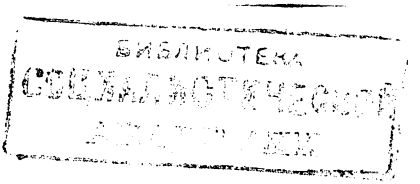
в) Юрьевскій (Дерптскій) университетъ:

89. Алексѣевъ В.
90. Афанасьевъ.
91. Богушевскій.
92. Бѣлявскій.
93. Граве П.
94. Грунскій.
95. Игнатовскій.
96. Кондаковъ.
97. Красноженъ.
98. Крашенинниковъ.
99. Курчинскій.
100. Невзоровъ.
101. Озе.
102. Поляковъ
103. Царевскій.
104. Чижъ.
105. Ясинскій А.

г) Казанскій университетъ:

106. Александровъ.
107. Бердниковъ.
108. Высоцкій.
109. Гольцманъ.
110. Догель И.
111. Догель М.
112. Залѣсскій.
113. Засѣцкій.
114. Кондаратскій.
115. Кирилловъ.
116. Кротовъ.
117. Кургановъ.
118. Мережковскій.

119. Нагуевскій.
120. Неболюбовъ.
121. Праксинъ.
122. Третьяковъ.
123. Флавицкій.
124. Шестаковъ.
125. Харламовичъ.


БИБЛИОТЕКА